

Символика огня как интертекстуальный аспект художественных миров Кристофа Рансмайра

Качоровская Анна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Россия, г. Санкт-Петербург.

ORCID: 0000-0001-7841-8181. ResearcherID: 670104-2019. E-mail: kachorovskaya@mail.ru

Аннотация. Предметом настоящей статьи является малоизученный аспект творчества австрийского писателя Кристофа Рансмайра (р. 1954) – символика огня в контексте трех наиболее известных русскому читателю романов: «Ужасы Льдов и Мрака» (Die Schrecken des Eises und der Finsternis, 1984), «Последний мир» (Die letzte Welt, 1988) и «Болезнь Китахары» (Morbus Kitahara, 1995). Актуальность статьи заключается в рецептивном подходе к изучению творчества Рансмайра, позволяющем применение интерпретационных методов исследования. Цель статьи – определение степени значения символики огня для интертекстуальной структуры романов Рансмайра. Исследование представляет следующие результаты: в связи с символикой огня рассматривается вопрос переосмысления античного Логоса в постмодернистской парадигме, уделяется особое внимание проблеме мимесиса и постмодернистского хаоса. Подчеркивается взаимосвязь сквозного доминантного мотива карнавала с темой огня. На конкретных примерах демонстрируется интертекстуальный аспект символики огня как неотъемлемой части архитектоники исследуемых произведений. Прослеживается эволюция символики огня, от контаминации образа-символа Льда с Огнем в первом романе Рансмайра «Ужасы Льдов и мрака» до агрессивной символики мотива сожжения «Метаморфоз» Овидия в «Последнем мире» и мотива пожара в тексте «Болезни Китахары». Выводы исследования содержат доказательства определяющего значения символики огня в интертекстуальной структуре романов Рансмайра. Область применения результатов видится в возможности их практического использования в учебном процессе: в лекционных курсах по австрийской литературе рубежа XX–XXI вв., а также специализированных курсах, посвященных Рансмайру как виднейшему представителю австрийского постмодернизма.

Ключевые слова: Рансмайр, символика огня, постмодернистский хаос, миф, карнавал.

Многогранность и неоднозначность огненной символики с древнейших времен до настоящего времени находит свое воплощение в мировой литературе. В качестве традиционного символа, в частности в немецкоязычной прозе, огонь олицетворяет солнечную энергию, являясь «творческой силой универсума» (например, явление земного духа в Фаусте I Гёте, (1808)) [18, s. 155]. «Превращение» (Umwandlung) [17, s. 54] огня в пламень может символизировать духовность и философское «трансцендентное начало» (Transzendenz) [17], но также и домашний очаг – квинтэссенцию земного существования. Амбивалентность огня способна проявляться как в созидательной, так и в агрессивной форме. Не случайно в различных религиозных учениях огонь – неперенный атрибут полярных начал: божественного и демонического.

Символика огня в литературе привлекает исследователей разнообразием интерпретационных возможностей. Особое значение придается огню в постмодернистской литературе, постулирующей принципиальную бесконечность истолкований. В этой связи представляет интерес труд У. Эко (1932–1916) «Роль читателя. Исследования по семиотике текста» (1979), в котором концепция интерпретации связывается с символом как средством выражения неопределенности [14, с. 95]. Позднее, в «Заметках на полях Имени Розы» (1983), Эко называет свой роман «Имя Розы» (1980) «машиной-генератором интерпретаций» [15, с. 597]. Огонь, символизирующий апокалипсис, завершает произведение: сгорает монастырская библиотека.

Огонь является первоэлементом, или, по мысли Гераклита, – первоэлементами природы, из которого возникают все вещи мира, подчиняясь необходимости, которую философ обозначает как «Логос» [18, s. 155–156]. В литературе постмодернизма символика огня связана с первоначальным хаосом сотворения нового мира. Взаимосвязь огня с логосом – тема, которая позволяет перефразировать (в рамках типично постмодернистской языковой игры) библейское изречение «В начале было Слово» в новую интенцию: «В начале был Огонь».

Абстрактное понятие хаоса в постмодернистском дискурсе связывают также и с правилом нонселекции – созданием «преднамеренного повествовательного хаоса» [3, с. 6]. Хаос как новая реальность, утратившая единство, может рассматриваться в качестве доминантного знака постмодернистской парадигмы, поскольку, по мнению немецкого теоретика постмодернизма В. Вельша (р. 1946), – «постмодерн начинается там, где кончается целое» [21, s. 39].

Новый первоначальный хаос и превращение, рассмотренные в качестве элементов постмодернистского дискурса, в известной мере близки и понятию симулякра. В сборнике Р. Лахманн (р. 1936) «Дискурсы фантастического» (2009) эффект симулякра представлен в качестве некоего антизнака, который может быть прочитан как синоним аристотелевского понятия фантазма [5, с. 63], а Н. Б. Маньковская (р. 1948) в своем труде «Эстетика постмодернизма» (2000) определяет его как часть постмодернистской языковой игры, связанной с мимесисом, где «...естественный мир заменяется его искусственным подобием, второй природой» [6, с. 56].

В художественных мирах Рансмайра постмодернистскому мимесису подвержены как сам символ огня, так и персонажи, связанные с огненным мотивом. В хаосе эклектичной постмодернистской парадигмы на смену природному источнику тепла и света часто приходит искусственный электрический свет, а герои античных мифов становятся частью окрашенного огненной символикой интертекста.

Интересно, что наррации романов Рансмайра, рассмотренные с точки зрения символики огня и света, антагонизируют с лейтмотивом темноты и сумрака, возникающим на страницах австрийской литературы, начиная с 1960-х гг. (Т. Бернхард «Холод», 1963, Ф. Иннехофер «Прекрасные дни», 1974, М. Грубер «Смерть зуйка», 1991) вплоть до начала XXI в. (П. Туррини (1944) «С наступлением темноты», 2007).

Интерпретация интертекстуальной символики в прозе Рансмайра является предметом многих современных немецкоязычных исследований. Следует упомянуть, например, монографию М. Готтшлига (M. Gottschlieg) «Заблудиться в полярных областях литературы. Субъект и пространство у Э. А. По и К. Рансмайра (Verloren Gehen in den Polargebieten der Literatur. Subjekt und Raum bei Edgar Allan Poe und Christoph Ransmayr, 2018). Сравнивая прозу Рансмайра и Э. А. По (1809–1849), Готтшлиг определяет символический «мотив заблуждения» (Motiv des Verloren Gehens) [19, s. 155] в качестве основы исследуемых интертекстуальных пространств. Символичность текстового пространства рассматривается также и в статье Ш. Алкера (St. Alker), презентующего бразильскую тему романа Рансмайра *Morbus Kitahara* как «экзотическую альтернативу» [16, s. 63] австрийской реальности. В рецепции Хоффманна Т. (Hoffmann T.) роман «Ужасы Льдов и Мрака» предстает частью «теории возвышенного» (The orie des Erhabenen) [20, s. 137], апеллирующей к философии Канта и Лукреция.

Современные отечественные литературоведческие труды, как правило, также рассматривают творчество Рансмайра в качестве одной из самых значительных составляющих австрийского постмодернистского дискурса. Например, Гладилин Н. В. в своей монографии «Становление и актуальное состояние литературы постмодернизма в странах немецкого языка (Германия, Австрия, Швейцария)» (2011) подчеркивает, что из австрийских литераторов «...к всемирному канону постмодернистской литературы обычно причисляют только австрийца Рансмайра» [2, с. 210]. Соколова Е. В. в статье «Современная литература Германии: поиски выхода из постмодернизма» (2006) называет имя Рансмайра в ряду европейских писателей, чье творчество так или иначе связано с понятием постмодернистского хаоса и первоначального хаоса сотворения мира. Это – Эко и Фаулз, Зюскинд и Поссе [13, с. 99]. Исключением является исследование Радаевой Э. А., анализирующей прозу Рансмайра в контексте творчества австрийских экспрессионистов (Гейм, Тракль, Кафка, Елинек). Мотив огня в романе «Последний мир» в ее интерпретации предстает символом «пепелища», из которого, подобно Фениксу, возрождается вечное искусство [9, с. 84].

В исследованиях Карельского А. В. и Плахиной А. В., рассматривающих символизм произведений Рансмайра в парадигме постмодернистского мироощущения, приоритетное внимание уделяется ключевым знакам-символам камней, птиц [4, с. 5], а также вечных льдов [8, с. 467].

Наряду с названными знаками-символами представляет интерес также и гораздо менее исследованная символика огня, рассматриваемая в данной статье в качестве интертекстуального аспекта постмодернистской языковой игры в трех романах Рансмайра: «Ужасы Льдов и Мрака», «Последний мир» и «Болезнь Китахары».

В романе «Ужасы льдов и Мрака», как и в последующих произведениях австрийского литератора, парадоксальным образом ставится под сомнение историческая действительность, а иллюзия возводится в ранг реальности. Детально описываются подвиги австрийских ледовых первопроходцев, открывающих самую холодную землю в мире – землю Франца Иосифа. Текст романа демонстрирует приверженность к игре с пространством и временем, в которой сам исторический факт открытия земли Франца Иосифа ставится под сомнение, превращаясь в иллюзорный и ироничный символ самой Австрии. Сверкающие льды новой земли кажутся легко достижимыми и не менее доступными, чем символ карнавала – «...сверкающий огнями луна-парк» [10, с. 7].

Симулякр карнавализованной действительности, иллюзия достижимости недостижимого – часто встречающийся прием в творчестве Рансмайра, вероятно, связанный с духом времени конца XX в., поскольку культурные реалии рубежа веков предполагают американизацию сознания немецкоязычного читателя, тонкую иронию над обязательностью хэппи-энд'а в литературе и масс-медиа. Так, например, в тот самый момент, когда читатель вместе с австрийскими покорителями Арктики полностью разуверяется в существовании новой земли и возможности ее достижения, иллюзорность мифа о ледяной, полностью лишенной растительности и тепла земле, оборачивается реальностью. Дневники арктических героев, – обер-лейтенанта Юлиуса Пайера и командира трехмачтового корабля «Адмирал Тегетхоф» Карла Вайпрехта, – свидетельствуют об истинности австрийских завоеваний. Варьируя тему Великой американской мечты, австрийская мечта рассыпается в прах, превращается в пустоту, фетиш, тем самым вызывая аллюзии на мотив крушения мечты в повести Э. Хемингуэя (1899–1961) «Старик и море» (1952). Сравнение с произведением американского писателя в данном контексте не случайно: подражание хемингуэевскому канону, как известно, характерно для австрийской литературы второй половины XX в. Подобно тому, как гибнет уже достигнутая мечта героя повести «Старик и море», исчезает и вновь открытая новая земля в романе «Ужасы Льдов и Мрака»: имена победителей Пайера и Вайпрехта лишь на время входят в моду в Вене, чтобы затем быть преданными забвению.

Ужасам льда и мрака в романе противостоит мотив солнечного света и согревающего огня как символа животворящей энергии. Кажется, что и австрийские завоеватели Арктики, включая анонимного автора-повествователя, идущего по следам исторической экспедиции, не столько стремятся к открытию новой земли, сколько бесконечно долго ждут тепла и солнца. Текстовое пространство «...холодного, блистающего мира неумолимостей» [10, с. 17] изредка озаряется вспышками огня. Языковая игра в романе включает виртуозные в литературном отношении описания пожаров, костров, горящих в холодных солнечных лучах льдов, вследствие чего знаковые символы льда и огня могут рассматриваться в качестве антиномии, символизирующей неразрывность разнополярных стихий. Данную антиномию можно проиллюстрировать на примере мастерски созданного описания северного сияния из дневниковых записей протагониста Вайпрехта: «Именно северное сияние прежде всего наполняет новичка в тех краях изумлением – неразгаданная загадка, которую природа огненными письменами напечатлела на звездном арктическом небе... Здесь небесный купол целиком объят пламенем; пышными снопами тысячи молний беспрестанно устремляются со всех сторон к той точке небосвода, куда указывает свободная магнитная стрелка; вокруг этой точки искрятся, мерцают, колышутся, зыблются в неистовом хаосе слепяще-белые пламена с цветною каймой; словно подгоняемые ветром, огневые волны света, пересекаясь и захлестывая друг друга, мчатся с запада на восток и с востока на запад» [10, с. 100–101].

Выступая в качестве литературного мотива, огонь как символ «Очищения на страшном Суде» [18, с. 156] может коррелировать с апокалиптическим мотивом. Так, например, грандиозная картина северного сияния в произведении Рансмайра содержит в том числе и интертекстуальные аллюзии на текст Откровения Иоанна Богослова [1, с. 1930], где огонь выступает в качестве символа Иисуса Христа, а битва Михаила и Ангелов с Драконом символизирует вечную борьбу добра со злом. Описание северного сияния у Рансмайра подобно апокалиптической картине: «Мнится, будто древняя легенда Священного Предания стала явью: небесные воинства вступили в битву и на глазах у обитателей земли истребили друг друга огнем и молнией» [10, с. 101].

Если в первом романе Рансмайра «Ужасы Льдов и Мрака» огонь и солнечный свет чаще всего являются редким, но жизненно важным для героев связующим звеном в предметном ряду арктического антуража, то в тексте «Последнего мира» многослойная символика огня

взаимодействует с более объемным мотивным рядом: от мотива сотворения мира до его распада. Представляя собой псевдоантичное постмодернистское произведение, «Последний мир» тяготеет к постмодернистскому хаосу, в котором в качестве интертекстуальных фрагментов отображается первоначальный вселенский хаос, описанный в «Метаморфозах» (1643) Овидия (43 г. до н. э.):

«Не было моря, земли и над всем распростертого неба, –
Лик был природы един на всей широте мироздания, –
Хаосом звали его» [7, с. 5].

Амбивалентная природа огня как первоосновы в сотворении новой вселенной из первоначального хаоса и одновременно как символа агрессии и разрушения неоднократно возникает в тексте «Последнего мира». Рукописи «Метаморфоз» Овидия превращаются в «обугленные пачки бумаг» [11, с. 40], обыгрываются мотивы «огненного знака» и «костра из книг» [11, с. 24] в римском доме Назона, вызывающие реминисценции на ритуальные фашистские сожжения запрещенной литературы.

В поисках следов ссыльного поэта Овидия Назона протагонист романа Котта находит в назовом саду далекого черноморского города Томы, – месте ссылки древнего поэта, – каменные плиты с текстом-посланием. Первым словом, которое попадает в поле зрения Котты, является именно «Огонь» [11, с. 40]. Постепенно герою открывается полный текст послания, часть которого приводится ниже:

«Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера злоба не уничтожит,
Ни меч, ни огонь, ни алчная старость» [11].

Выбитый на камнях текст символизирует вневременность поэзии Овидия Назона. Пожар в Риме, во время которого его «...труд стал пеплом» [11, с. 23], не может отнять жизнь у вечных «Метаморфоз», фрагментарно существующих в бесконечности художественных пространств.

Большое значение для текстовой структуры романа Рансмайра имеет также и древнее толкование огня в качестве символа солнца, а солнечной энергии – как квинтэссенции божественной и земной власти. Солнце, подобно мудрости римской власти, призвано освещать все уголки божественной вселенной. Даже в самом далеком от Рима опальном городе Томы протагонисты и автор-повествователь наблюдают, как «добела раскаленный символ огня, солнце поднялось в зенит» [11, с. 172].

Мотив огня как символа солнца отсылает к мифологическому сюжету из «Метаморфоз» Овидия. «Метаморфозы» изобилуют огненными эпитетами и сюжетами, связанными с огнем. Например, бог солнца Феб предостерегает своего сына Фаэтона, говоря об опасности «оси пламенной» [7, с. 30]; раздаётся «...солнца коней пламенное ржанье» [7, с. 32]. Не в силах справиться с огненной колесницей Феба, Фаэтон опускается все ниже, сжигая землю: «Тут увидал Фаэтон со всех сторон запыхавший мир...» [7, с. 34]. Юпитер уничтожает Фаэтона перунами, спасая землю. Наяды Геспериды хоронят сожженного огнем Фаэтона, выбивая на камне стихи, воспевающие храбрость юного возницы:

«Здесь погребен Фаэтон, колесницы отцовской возница;
Пусть ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он» [7, с. 37].

В тексте Рансмайра под интертекстуальной карнавальной маской предстает и сам образ бога-солнца Феба. Карнавал и факельное шествие в Томах, как апофеоз всех превращений, на время дает героям власть и над огнем, который в этом древнем до-прометеевском мире кажется прерогативой богов и власти.словно в кривом зеркале, почти до неузнаваемости искажающим античный миф, едет на карнавал украшенный «...обрывками золотой бумаги и кусочками блестящего металла...» [11, с. 64], размахивающий горящим кнутом мясник Терей, работающий на бойне. Вместо колесницы у него телега, а вместо «пламенных» коней – во-лы. Карнавальное развенчание божественного образа Феба делает его почти неузнаваемым, однако, автор-повествователь добавляет: «Маска Терей была карикатурой, грубым шаржем, но тем не менее напоминала выветренные рельефы с фасадов римских храмов, министерств и дворцов, напоминала изображение солнечного бога на огненной колеснице. Мяснику хотелось быть Фебом» [11, с. 65].

Огонь как символ солнца еще раз упоминается в тексте романа в связи с мифом об Икаре и Дедале. Пустота и забвение как постмодернистский знак-символ, как некая фигура умолчания, окутывают образ Икара в «Последнем мире». Ни само имя античного героя, ни история его дерзкого полета к солнцу в тексте не упоминаются и не интерпретируются. Лишь два се-

рых крыла на нескончаемом гобелене, который непрерывно ткёт глухонемая жительница города Арахна, визуализируют идею падения: «Имя низвергнувшегося существа, тонувшего в сверканье, было одним из многих знаков, что слетели с пальцев глухонемой и остались не поняты Коттой» [11, с. 124].

Символика огня постоянно присутствует в повествовании также и третьего из рассматриваемых в рамках данной статьи романов Рансмайра – «Болезнь Китахары». Именно мотив огня, создавая рамочную конструкцию для наррации, окаймляет текст таким образом, что вся романная структура зиждется именно на нем. Первая и последняя главы романа носят одинаковое название: «Пожар в океане» [12, с. 1, с. 147], огненный мотив начинает и завершает авторский текст. Вследствие этого литературного приема действие романа совершает круг, а протагонисты, словно двигаясь по ленте Мебиуса, в результате оказываются в исходной точке.

С другой стороны, природному пламени противопоставляется иная, искусственная разновидность света – электрическое освещение, отображающее тему постмодернистского «светового хаоса» [12, с. 108]. Например, за маской города-карнавала под названием «Бранд» (Brand в переводе с немецкого означает «пожар»), пронизанного световым хаосом рекламных огней, скрывается целый интертекстуальный пласт, отсылающий, в том числе, и к поэме «Бранд» (1865) Г. Ибсена (1828–1906), где «Бранд» – имя пламенно верующего, непримиримого священника, ведущего паству к недоступным горным вершинам.

Рекламные огни города-карнавала ошеломляют и способствуют развитию вымышленной автором болезни Китахары, то есть, собственно, созданию псевдореальности как альтернативы невыносимому настоящему. Искусственный электрический свет заменяет природный огонь, мнимая карнавализованная реальность приходит на смену действительности: «Огни, несчетные огни: лучи прожекторов... пальцы света, протянутые в ночь... Красные сигнальные огни. Мигалки. ... Огни текучие, огни скачущие, мерцающие, мягкие, теплые и ослепительно голубые; витые огненные гирлянды и огни, тихо и едва приметно пульсирующие, как звезды... Там внизу раскинулся Бранд. Наконец-то Бранд...» [12].

Пафос романа Рансмайра «Болезнь Китахары» (если слово «пафос» применимо к постмодернистскому тексту) – это индивидуальный пафос сопротивления победителям, диктующим современной Австрии свои литературные законы. Протагонисты Лили, Беринг и Собачий Король Амбрас, олицетворяя лучшие черты, которые, вероятно, писатель желал бы найти в самой современной Австрии, – исчезают в огне пожара. Финальные сцены романа «Болезнь Китахары», представляющие пожар в океане, отсылают в том числе и к финалу романа Эко «Имя Розы», о котором шла речь выше.

Таким образом, в рамках данной статьи прослеживается корреляция огненной тематики со сквозными мотивами постмодернистского карнавала и постмодернистского хаоса, а также с определяющими знаками-символами льда, солнца и моря (океана). Художественные миры Рансмайра, тяготея к интертекстуальности, обыгрывают символ огня в различных псевдоисторических и мифологических интерпретациях. Огонь как символ постмодернистского Логоса присутствует в языковой игре всех трех романов, что, в частности, позволяет говорить об эволюции огненной символики. Первый роман «Ужасы льдов и мрака», апеллирующий к библейскому апокалипсису, а также к повести Хемингуэя «Старик и море», представляет антиномию огня и льда. Символ огня в качестве первоначального элемента в хаосе создания новой вселенной превалирует в романе «Последний мир». Агрессивная составляющая символики огня варьирует мотив пожара в романах «Последний мир» и «Болезнь Китахары». Постмодернистский мимесис, возникая на страницах романа «Болезнь Китахары», отображает метаморфозу природного огня в электрический свет, представляя аллюзии на роман Ибсена «Бранд». Можно утверждать, что символика огня, рассмотренная в качестве интертекстуального аспекта художественных миров Рансмайра, является одним из важнейших элементов его романских структур.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета // Синодальный перевод с комментариями и приложениями. М. : Российское Библейское общество, 2004. 2047 с.
2. Гладилин Н. В. Становление и актуальное состояние литературы постмодернизма в странах немецкого языка (Германия, Австрия, Швейцария) : монография. М. : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2011. 348 с. С. 210–227.
3. Ильин И. П. Некоторые концепции искусства постмодернизма в современных зарубежных исследованиях. М. : Общие проблемы искусства, 1988. С. 1–27.

4. Карельский А. В. О людях и камнях, о людях и птицах / предисловие А. Карельского; пер. с нем. Н. Федоровой // К. Рансмайр. Последний мир : роман. М. : Радуга, 1993. 208 с. С. 5–16.
5. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.
6. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб. : Алетейя, 2000. 347 с.
7. Овидий П. Н. Метаморфозы / пер. с лат. Т. Зеленченко. Харьков : Фолио ; М. : Арт, 2000. 544 с.
8. Плахина А. В. Кристоф Рансмайр // История австрийской литературы XX века. Т. 2. М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. 576 с. С. 461–489.
9. Радаева Э. А. Концепт огня в истории культуры и в австрийской литературе XX–XXI вв. : его экспрессионистский потенциал // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. № 64. Т. 21. С. 82–87.
10. Рансмайр К. Ужасы льдов и мрака. М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2003. 272 с.
11. Рансмайр К. Последний мир : роман / предисловие А. Карельского; пер. с нем. Н. Федоровой. М. : Радуга, 1993. 208 с.
12. Рансмайр К. Болезнь Китахары / пер. с нем. Н. Федоровой. М. : Эксмо : Валери СПД, 2002. 152 с.
13. Соколова Е. В. Современная литература Германии: поиски выхода из постмодернизма / Институт научной информации по общественным наукам РАН // Постмодернизм: что же дальше? (худож. лит. на рубеже XX–XXI вв.) : сб. научных трудов. Теория и история литературоведения. М. : ИНИОН, 2006. С. 98–137.
14. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб. : Симпозиум, 2007. 502 с.
15. Эко У. Заметки на полях имени Розы / пер. с итал. Е. Костюкович // У. Эко. Имя Розы. СПб. : Симпозиум, 1998. 685 с.
16. Alker S. Entronnensein – Zur Poetik des Ortes. Internationale Orte in der oesterreichischen Gegenwartsliteratur / Hrg. von Wendelin Schmidt-Dengler, Braumueller // T. Bernhard, P. Handke, C. Ransmayr, G. Roth Zur neueren Literatur Oesterreichs. Bd. 20. Wien : Universitaets-Verlags-Buchhandlung GmbH, 2005. 111 s.
17. Cooper J. C. Illustriertes Lexikon der traditionellen Symbole. Leipzig : Drei Lilien Verlag, 1986. 240 s.
18. Daemmrich H. u. I. Themen und Motive in der Literatur // H. u. I. Daemmrich Tuebingen. Basel : Francke Verl., 1995. 410 s.
19. Gottschlig M. Verloren Gehen in den Polargebieten der Literatur. Subjekt und Raum bei Edgar Allan Poe und Christoph Ransmayr / transcript Verlag. Bielefeld, 2018. 332 s.
20. Hoffmann T. Konfigurationen des Erhabenen. Zur Produktivitaet einer aesthetischen Kategorie in der Literatur des ausgehenden 20. Jahrhunderts (Handke, Ransmayr, Schrott, Strauss). Berlin : Walter de Gruyter GmbH &Co, 2006. 417 s.
21. Welsch W. Unsere postmoderne Moderne. 4 Aufl. Berlin : Akademie Verlag GmbH, 1993. 344 s.

The symbolism of fire as an intertextual aspect of Christophe Ransmayr's artistic worlds

Kachorovskaya Anna Evgenyevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of German and Romance Languages
for Professional Communication, Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0001-7841-8181. ResearcherID: 670104-2019. E-mail: kachorovskaya@mail.ru

Abstract. The subject of this article is a little-studied aspect of the work of the Austrian writer Christoph Ransmayr (b. 1954) – the symbolism of fire in the context of three novels most famous to the Russian reader: "The Horrors of Ice and Darkness" (Die Schrecken des Eises und der Finsternis, 1984), "The Last World" (Die letzte Welt, 1988) and "Kitahara's Disease" (Morbus Kitahara, 1995). The relevance of the article lies in the receptive approach to the study of Ransmayr's work, which allows the use of interpretative research methods. The purpose of the article is to determine the degree of significance of fire symbolism for the intertextual structure of Ransmayr's novels. The study presents the following results: in connection with the symbolism of fire, the issue of rethinking the ancient Logos in the postmodern paradigm is considered, special attention is paid to the problem of mimesis and postmodern chaos. The interrelation of the end-to-end dominant carnival motif with the theme of fire is emphasized. Concrete examples demonstrate the intertextual aspect of the symbolism of fire as an integral part of the architectonics of the works under study. The evolution of the symbolism of fire is traced, from the contamination of the image-symbol of Ice with Fire in Ransmayr's first novel "The Horrors of Ice and Darkness" to the aggressive symbolism of the motif of burning Ovid's "Metamorphoses" in the Last World and the motif of fire in the text "Kitahara's Disease". The conclusions of the study contain evidence of the defining significance of the symbolism of fire in the intertextual structure of Ransmayr's novels. The scope of the results is seen in the possibility of their practical use in the educational process: in lecture courses on Austrian literature at the turn of the XX–XXI centuries, as well as specialized courses dedicated to Ransmayr as the most prominent representative of Austrian postmodernism.

Keywords: Ransmire, symbolism of fire, postmodern chaos, myth, carnival.

References

1. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo zaveta* – The Bible. Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments // *Cinodal'nyj perevod s kommentariyami i prilozheniyami* – Synodal translation with comments and appendices. M. Russian Bible Society. 2004. 2047 p.
2. *Gladilin N. V. Stanovlenie i aktual'noe sostoyanie literatury postmodernizma v stranah nemeckogo yazyka (Germaniya, Avstriya, Shvejtsariya) : monografiya* [The formation and current state of postmodernism literature in the countries of the German language (Germany, Austria, Switzerland) : monograph]. M. Publishing House of the Gorky Literary Institute. 2011. 348 p. Pp. 210–227.
3. *Il'in I. P. Nekotorye koncepcii iskusstva postmodernizma v sovremennyh zarubezhnyh issledovaniyah* [Some concepts of postmodernism art in modern foreign studies]. M. General problems of art. 1988. Pp. 1–27.
4. *Karel'skij A. V. O lyudyah i kamnyah, o lyudyah i pticah* [About people and stones, about people and birds] / foreword by A. Karelsky; transl. from German by N. Fedorova // *K. Ransmajr. Poslednij mir : roman* [The Last World : a novel]. M. Raduga. 1993. 208 p. Pp. 5–16.
5. *Lachmann R. Diskursy fantasticheskogo* [Discourses of the fantastic]. M. New Literary Review. 2009. 384 p.
6. *Man'kovskaya N. B. Estetika postmodernizma* [Aesthetics of postmodernism]. SPb. Aleteya. 2000. 347 p.
7. *Ovidij P. N. Metamorfozy* [Metamorphoses] / transl. from Latin by T. Zelenchenko. Kharkiv. Folio ; M. Iskusstvo (Art). 2000. 544 p.
8. *Plahina A. V. Kristof Ransmajr* [Christoph Ransmayr] // *Istoriya avstrijskoj literatury XX veka* – History of Austrian literature of the XX century. Vol. 2. M. IMLI n. a. A. M. Gorky RAS, 2010. 576 Pp. 461–489.
9. *Radaeva E. A. Koncept ognya v istorii kul'tury i v avstrijskoj literature XX–XXI vv. : ego ekspressionistskij potencial* [The concept of fire in the history of culture and in Austrian literature of the XX–XXI centuries: its expressionist potential] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* – News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences. 2019. No. 64. Vol. 21. Pp. 82–87.
10. *Ransmajr K. Uzhasy l'dov i mraka* [The horrors of ice and darkness]. M. Eksmo; SPb. Domino. 2003. 272 p.
11. *Ransmajr K. Poslednij mir : roman* [The last world: a novel] / foreword by A. Karelsky; transl. from German by N. Fedorova. M. Raduga (Rainbow). 1993. 208 p.
12. *Ransmajr K. Bolezn' Kitahary* [Kitahara's disease] / transl. from German by N. Fedorova. M. Eksmo : Valerie SPD. 2002. 152 p.
13. *Sokolova E. V. Sovremennaya literatura Germanii: poiski vyhoda iz postmodernizma* [Modern German literature: the search for a way out of postmodernism] // *Postmodernizm: chto zhe dal'she?: (hudozh. lit. na rubezhe XX–XXI vv.) : sb. nauchnyh trudov. Teoriya i istoriya literaturovedeniya* – Postmodernism: what's next?: (art. lit. at the turn of the XX–XXI centuries) : collection of scientific papers. Theory and History of Literary Studies / Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, M. INION. 2006. Pp. 98–137.
14. *Eko U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Studies on the semiotics of the text] / transl. from English and Italian by S. D. Serebryany. SPb. Symposium. 2007. 502 p.
15. *Eko U. Zametki na polyah imeni Rozy* [Notes on the margins of the name of the Rose] / transl. from Italian by E. Kostyukovich // *U. Eko. Imya Rozy* [The name of the Rose]. SPb. Symposium. 1998. 685 p.
16. *Alker S. Entronnensein – Zur Poetik des Ortes. Internationale Orte in der oesterreichischen Gegenwartsliteratur* / Hrg. von Wendelin Schmidt-Dengler, Braumueller // T. Bernhard, P. Handke, C. Ransmayr, G. Roth Zur neueren Literatur Oesterreichs. Bd. 20. Wien : Universitaets-Verlags-Buchhandlung GmbH, 2005. 111 S.
17. *Cooper J. C. Illustriertes Lexikon der traditionellen Symbole*. Leipzig : Drei Lilien Verlag, 1986. 240 p.
18. *Daemmrich H. u. I. Themen und Motive in der Literatur* // H. u. I. Daemmrich Tuebingen. Basel : Francke Verl., 1995. 410 p.
19. *Gottschlig M. Verloren Gehen in den Polargebieten der Literatur. Subjekt und Raum bei Edgar Allan Poe und Christoph Ransmayr* / transcript Verlag. Bielefeld, 2018. 332 p.
20. *Hoffmann T. Konfigurationen des Erhabenen. Zur Produktivitaet einer aesthetischen Kategorie in der Literatur des ausgehenden 20. Jahrhunderts* (Handke, Ransmayr, Schrott, Strauss). Berlin : Walter de Gruyter GmbH &Co, 2006. 417 p.
21. *Welsch W. Unsere postmoderne Moderne*. 4 Aufl. Berlin : Akademie Verlag GmbH, 1993. 344 p.